

Борис ИЛЬИН

Борис Ильич Ильин родился на Украине в 1974 году, закончил факультет психологии Публичного университета Нью-Йорка и консультативный факультет Лонг-Айлендского университета. С 2010 года печатается в изданиях: «Ното Legens», «Крещатик», «Новый Журнал», «Артикуляция». Предыдущая публикация в «Волге» – «Обитатели дома» (2020, № 7-8). Живет в Нью-Йорке.

ВСЕМ НА ДОЛГИЕ ГОДЫ

Рассказ

I

Моя покойная мама, всем на долгие годы, работала в столовой в Леляках. Мы сами жили рядом, в Подольском. В Леляках был железнодорожный полустанок – там останавливались пассажирские поезда, скорые и скоростные проезжали мимо. Мы с сестрой ни в чем не нуждались: была еда и крыша над головой. Одежду носили добротную, без дыр, перешитую. Из нашего окна были видны новые девятиэтажки в отдалении, а во дворе у нас росли береза и вишня. Первую посадил папа, и я помню ее еще зеленым ростком. О вишне ничего не могу сказать кроме того, что урожай она давала, но птицы его склевывали быстрее, чем мы успевали собрать. Начальная школа располагалась прямо в селе: серое двухэтажное послевоенное здание с тучными низкими колоннами. Помню мой первый классный кабинет, №21 на втором этаже. На стене между первым и вторым лестничным пролетом висела синяя дощечка с надписью «Не бегать!», причем первое слово было заклеено пластырем. Наша классная руководительница, женщина лет сорока из Полтавы, была особенно требовательна по части дисциплины. На уроках чтения нужно было водить карандашом по тексту из учебника, пока читали вслух. Тексты были небольшие, что-нибудь из Соколова-Микитова, и каждый читали столько раз, сколько позволяли сорок пять минут урока. Тем, кто отводил глаза от чтения или не успевал водить карандашом, делалась запись в дневник: «Поведение 2: не следит за текстом». Родители, как положено, снабжали школьников цветами на первое сентября, и наша классная, выбрав себе розы, отправляла остальные цветы в большую выварку, прямо при нас, а затем выносила ее в уборную. Росли мы хорошо, в полноценной семье, папа, мама и мы с сестрой. Мы ничем не отличались от наших соседей и одноклассников, и вполне может быть, что нам, нашей обычной жизни с уверенностью в завтрашнем дне, кто-нибудь завидовал. Я помню, мне было лет пять, мама со мной стояла в очереди за туалетной бумагой у сельпо. Шел снег, я сидела в санках, мама потом прямо на меня вывалила эти рулоны и потащила санки в сторону дома. Я крепко придерживала бумагу и думала о том, как я счастлива, что у нас все хорошо, что есть даже бумага, что дома ждет папа, и даже против Ляльки я не возражала. Все-таки старшая сестра, не у всякого есть такая.

Папа от нас ушел, когда мне было семь лет; он уехал в Белгород к еще одной своей жене. Его звали Арнольдом – звучное тяжелое имя. Он, так получилось, жил на две семьи какое-то время. До ухода он со мной общался мало; Лялька с ним везде ходила как приклеенная. Но Лялька всегда к кому-нибудь липла, не умела существовать самостоятельно. А меня папа перед уходом посадил к себе на колено, посмотрел в глаза и сказал: доча, так надо. Сейчас почему-то не могу вспомнить, что я

тогда чувствовала. Все, что вспоминается – как он сводил нас с Лялькой в кафе-мороженое и купил мне пирожное «картошку». Очень хотелось, чтобы он еще раз взял меня в это кафе и снова купил «картошку». Он ушел, и я его после этого лет двадцать не видела, приезжала навестить уже из Бугров. Так он и жил с женой в своем Белгороде. Плохо без отца. Отец, особенно для девочки, первый пример мужской заботы, любви, внимания. Еще в подростковом возрасте я поклялась себе в том, что у моих детей будет отец в доме, будет полноценная семья. Папа мой, теперь тоже всем на долгие годы, умер несколько лет назад, а я ничего толком не знаю ни про его родителей, ни про родственников по его линии. Знаю только, что какая-то родня приезжала в Белгород после его смерти, хотели делить имущество. Мне потом его жена писала. Но мне с ними делить нечего.

Лялька лет в тринадцать начала встречаться со взрослыми парнями; однажды привела какого-то, на вид уголовника. Сидел у нас на кухне, чистил ножом картошку. Как я хотела, чтобы он ушел! Боялась, что выберет момент, пырнет, ограбит, а он все анекдоты рассказывал.

В семнадцать лет Лялька вышла замуж за молодого человека по имени Зомик и вскоре уехала с ним в Ленинград. Родители его были родом из Бердичева, а в Ленинграде жили далекие родственники. Зомик выглядел старше своих лет, он был лысоват в свои двадцать, но Ляльку это не смущало. Сам был рукастый и до отъезда нам стены покрасил и побелил потолки. Мама стала собирать Ляльке с Зомиком в Ленинград тяжелую посылку ежемесячно. Складывала туда, что могла – соленья, домашнюю еду, консервы, даже сало – когда удавалось купить. Она связала им по пушистому свитеру серого цвета, под горло шла вставка из искусственной кожи на змейке. Лялька называла меня и маму мешанами, может быть даже всерьез.

Поселились они с Зомиком в общежитии Металлического Лензавода, на улице Руставели, 37, в комнате на троих с соседом. Зомик устроился в слесарный цех мастером второго разряда, собирал изделия ППН-21 и ПХЛ-014. Я так и не смогла понять, что это за изделия и для чего они нужны. Лялька окончила трехмесячные курсы копировальщиц и устроилась к Зомику на завод. Жили они скромно; мама считала, что посылки станут им большой подмогой, хоть Лялька и крутила носом. По маминой просьбе я упаковывала еду и вещи в посылку, а потом мы вдвоем несли ее на полустанок. Там раз в месяц останавливался на полчаса поезд, идущий на Ленинград. Коробки бывали тяжелыми, мы тащили их по насыпи вверх, я ненавидела эти походы. Мама, всем на долгие годы, умела уговаривать проводниц, а еще лучше проводников. Она заходила с проводником в вагон, возвращалась растрепанная и веселая.

Лялька забирала груз на Московском вокзале. Когда я приехала через несколько лет поступать в пединститут, оказалось, что Лялька раздает еду из наших посылок соседям по общежитию. Она говорила, что соседи – одна большая семья, но вряд ли кто-нибудь из них кормил Ляльку с Зомиком. Ни о чем подобном Лялька не рассказывала, только говорила, что для людей не жаль и что ей ни от кого ничего не нужно.

Мама моя, всем на долгие годы, была оптимисткой и не унывала даже когда ее сократили и нам какое-то время нечего было есть. Она довольно скоро устроилась продавщицей и уборщицей в сельпо, а потом ее снова взяли в столовую на прежнее место. Что там произошло – не знаю, мама не рассказывала, а я не спрашивала. Помимо основной работы мама всегда что-то продавала, перешивала одежду. Я знала, где у нее были припрятаны деньги на черный день. Как-то без ее ведома я почти взяла пятьдесят рублей, но устыдилась, и вообще ничего бы не вышло – хотела на сапожки, как раз появились чехословацкие, такие короткие замшевые на танкетке, с

искусственной овчиной внутри. А где их носить? Все равно ведь пришлось бы объяснять, откуда они.

Черный день, слава богу, так и не наступил, а когда я заканчивала десятый класс, то решила поступать в пединститут в Ленинграде. А где еще? Лялька с мужем – там, а больше у меня по городам Союза никакой родни, если не считать отца. Лялька, конечно, та еще поддержка, но все же. Мама сначала очень расстроилась, никогда такой ее не видела. Я сказала, что поеду учиться в Ленинград, а она побежала к комоду и ляснула по зеркалу изо всех сил. Зеркало пошло трещиной, как вся наша жизнь пошло трещиной. Мы обе сели на пол, заревели, а у нее на руке порез, кровь идет, слезы капаят; говорит, ты как Лялька меня бросить хочешь, ты меня одну бросаешь. Ну, успокоились постепенно, промыли порез, перебинтовали руку.

Успокоились – это конечно, но забот добавилось. А у меня, тем временем, школьная любовь, а я не предохранялась. Наступил май, зацвели каштаны, а гостей все нет как нет. Ждала, ждала и решилась на разговор с Жорой. Так звали его, моего любимого, и не зря – теперь он, говорят, такой крупный стал, что когда где-то появляется, то первым входит его живот, а сам Жора на минуту-две запаздывает. Тогда, правда, он был менее впечатляющих габаритов, даже худой был, и живот его не держал нас на расстоянии. Пришла к нему, вызвала во двор, как обычно, мы так часами вдвоем разговаривали последние полтора года. Глубоко вдохнула, зажмурилась, и сказала: Жора, по-моему, я беременная. Дальше не помню, что было; я зарыдала, он в ответ зарыдал, на шум вышла Жорина мама, зашли в дом, сели на кухне, там сидели его папа и сестра Настя. Настя сразу спрашивает: так вы здесь теперь все жить будете? Помолчали немного, а потом Жорины родители и мы с Жорой отправились к моей маме на работу в столовку. И здесь так получилось, что ко мне как раз заявились долгожданные гости, понятно какие. Все не вовремя или же вовсе наоборот. Мы с Жорой пообещали друг другу, что никогда не расстанемся и в каком-то смысле обещание сдержали: я его помню и он меня, скорее всего, тоже.

А что еще я помню? Пединститут имени Герцена располагался на Мойке, а я остановилась у Ляльки с Зомиком в общежитии, у черта на куличках. Спала на полу; до Мойки было добираться часа три, не меньше, общественным транспортом с пересадками. Сначала километр пешкодралом до пр. Науки, оттуда около часа автобусом до Заневского проспекта, затем пересадка на пл. Труда в сторону ул. Желябова, а уж потом пехом до института минут десять. Что хорошо – абитуриентов, посещавших подготовительные двухнедельные курсы, кормили, бывали тефтели с картофельным пюре, часто давали гороховый суп. Из-за этого гороха мы стали называть учебное заведение пердинститутом – вообще, смех необходим в непростых обстоятельствах, а мои, хоть непростыми их не назову, доставляли много волнений. На Желябова я ходила в кафе «Пышки», мне так понравились эти печеные с сахарной пудрой по пять копеек штука, и завтрак сытный – пышка и стакан молока – значит день начался отлично. Я все хотела попробовать настоящей ленинградской жизни, ощутить ее на вкус, и пышки – первое, с чем город у меня ассоциируется. Ну и, конечно, с мамиными посылками Ляльке, куда без этого.

Вступительные экзамены, сдержанное свежее ленинградское лето, сочинение по вопросам педагогики, устные по истории СССР и английскому, письменный по алгебре и геометрии. Хуже всего у меня было с английским языком – еще зимой наша англичанка уехала с мужем в Якутию, и заменял ее преподаватель немецкого; английского языка он не знал и рассказывал об аграрной науке, сам был выпускником факультета землеустройства Киевской сельхозакадемии. Но ничего, я сама подучила и, кажется, была готова к испытаниям.

Они не заставили себя ждать. Меня выселили из Лялькиного общежития с формулировкой «неучтенное койко-место» и посоветовали обратиться в общежитие при институте. Я и обратилась, но мест не было. Вопрос требовал немедленного решения, а я успела познакомиться на подготовительных курсах с интересным мальчиком. Сережа был ленинградцем и тоже готовился к поступлению в Герцена – что удивительно, поскольку мальчик и не иногородний. Высокий, чернявый, он жил с бабушкой в однокомнатной квартире. Мы с Сережей сначала пару раз красиво общались на курсах, и однажды отправились смотреть, как разводят мосты. Я у него осталась ночевать. Жизненный урок я уже выучила хорошо; я знала, что предохраняться – значит избежать ненужной головной боли. Сережа мне поставил раскладушку на кухне. Так и прожила у него до конца вступительной сессии, а к началу учебного года у меня уже была законная кровать в институтской общаге.

Мы с Сережей провстречались весь учебный год, а потом его призвали – военкафедры у нас не было. Когда он вернулся, я как раз собиралась выходить за Вадика. Вадик был студентом в институте материально-технического обеспечения им. Хрулева, на факультете военно-тылового снабжения, и я быстро поняла, что тылы мои всегда будут снабжены и обеспечены. Он был стесняющийся, высокий, статный; сочетание физической мощи и стеснительности казалось привлекательным. Было непривычно ощущать свою власть над ним, здоровым мужиком; сразу почувствовала, что могу из него веревки вить даже не очень стараясь. Я бы дала ему в тот же вечер, но молодые ребята – как девочки-подростки: их легко спугнуть. Так и водила за собой кругами целый месяц: то в Летнем саду бродили, то в Эрмитаже скучали, то в пышечной топтались. Он покорно за мной ходил и не перебивая выслушивал всю мою болтовню.

Но я забегаю вперед. Экзамены я сдала на «хорошо»; на факультет педагогической коррекции, т.е. логопедии, был недобор, и меня приняли. Август был свободен; я провела сутки с Сережей – мы обошли пешком, кажется, весь город. Попрощалась с Лялькой и Зомиком и села в пассажирский Ленинград – Львов с остановкой в Виннице. За недели отсутствия мама показалась мне постаревшей, а наше жилье – бесцветным и маленьким. Дома меня ждало много работы – помогать матери со сборами, но, кроме того, я вдруг остро почувствовала, что действительно оставляю ее одну, и с этого момента без жалости уже не могла ни думать о маме, ни смотреть на нее.

Днем с мамой собирали вещи; смотрю в окно – вижу, идет Жорин папа в белой рубашке, глаженных штанах. Постучался в дверь, как-то церемонно спросил, можно ли войти. Сел на стул, мы с мамой тоже присели кто где. Ждем. У меня горло пересохло, я закашлялась. Он сразу начал говорить – пришел, мол, свататься, просит мать отдать меня за Жору. Здесь я не выдержала – стала сдуру смеяться. И хочу сдержатъ смех, а не могу – только кашляю, смеюсь, да еще икаю; даже живот заболел. Жорин папа подождал немного, встал и вышел. А я все смеюсь – его уже и в окне не видно. Мать мне пощечину влепила, икота вдруг прошла, смех с кашлем тоже. Молча стали собирать вещи по списку. Мать, всем на долгие годы, всегда заводила списки нужных вещей.

Мать решила съездить со мной – вещей было много, и вообще хотелось побыть вдвоем. Купили билеты в плацкартный вагон, и так повезло, что оба места внизу. Я полюбила путешествовать в поезде на дальние расстояния. Наш пейзаж не очень выразительный, равнинный: палитра зеленого и желтого цветов в теплое время года, лесные посадки сменяются полями, уходящими к горизонту, мимо идут такие же, как наше, села. Иногда задумаешься, а что если идти вот так через равнины к горизонту – что увидишь, что поймешь? Утренний озноб, влажные жесткие травы, минута – и ноги

промокли в любой обуви, если не резиновая. А если резиновая, то просто холодно ногам. Но свежий воздух и особая тишина отвлекают внимание от влажного неудобства. Где-то слева, в километре – лесополоса. Деревья хвойные – отсюда кажется, корабельная сосна, и в сосновой тени еще холоднее. Небо смотрит своим бледно-синим холодком; по нему манной кашей размазаны редкие плоские облака. Если вслушаться в тишину, взглянуть в предметный мир, станет очевидно, как электрические разряды проходят сквозь строй травы, как ее листья, отягощенные каплями росы, трепещут и слаженно кивают, и с ними вместе кивают верхушки далеких сосен. Вот в сквозящем небе растянутые хрупкие волокна облаков устремляются вверх и там образуют круг, похожий на белый колючий венец. Пора смочь, пора принять решение раз и навсегда, пора прислушаться к молчанию всего вокруг, взглянуть в повседневные предметы – они прячутся за упрощенным образом самих себя – солнце, трава, небо, термос достала из сумки, яйца вкрутую, хлеб, консервы – пора.

А пора была такая – сырая и пасмурная уже в сентябре – Ленинград не позволяет расслабиться. Общежитие стояло на пустыре возле Бадаевских складов – час пешком до института, или минут сорок, если на метро. Одной из моих соседок по комнате, Люде – двадцать шесть. Она по всякому поводу повторяет, что уже совсем старая.

– Нелька! (это она ко мне обращается). Ты куда дела мой кипятильник?

– А хрен его знает (так я отвечаю) где он, твой кипятильник. В тумбочке посмотри.

– Ой, я такая старая – могу на хрен сесть и просто сидеть, уже ничего не хочется.

Но это неправда: из нас двоих именно я практично отношусь к мужикам, а Людка всегда сгорает от любви, наперед не думает, дает сразу. Вообще-то я ничего дурного в том, чтобы сразу давать, не вижу. Здесь просто половое влечение, хорошее отношение к человеку, а как раз гореть надо учиться ровно и экономно, чтобы хватило надолго. Люди – просто мясо с чувствами и мыслями, и попробуй отличи одно от другого. А мясо и есть мясо – пока оно живо, ему хочется тепла, удобства, сытости и что там еще. С людьми разобраться не сложно, с собой бы научиться. Ну, взять, к примеру, Ляльку. Она же на самом деле добрая, отзывчивая, и люди ее интересуют, а расстается с ними запросто. Когда уехала в Ленинград, матери не написала ни разу, ни даже телеграмму не отправила, все ждала, что мать первой проявит внимание. Это, видимо, такая боль или обида, связанная с уходом отца, хотя что я знаю – я у нее не спрашивала. И на материнские похороны она не приехала – сказала, что денег нет на билеты.

По основам педагогики нам задали прочитать «Педагогическую поэму» Макаренко. Я долго ходила под впечатлением: подумать только, Макаренко сумел найти подход к малолетним преступникам, а мы не умеем к родным людям. Мама моя, всем на долгие годы, о такой науке ничего не знала, с нами обычно обращалась мягко, не ругала. Но если бы она умела то, что умел Макаренко – то, что мы проходили в институте – возможно и отец остался бы, и жизнь наша протекала бы менее беспокойно. К сожалению, мы учимся не на своих ошибках и не на чужих, а на ошибках, сделанных по отношению к нам самими родными людьми.

Я серьезно перелопатила в голове все мое детство и подростковый возраст, и зла на мать не держу. Но что не могу себе простить – ранней моей беспечности, несерьезного отношения к жизни. Я ведь видела, как упирается мать, старается устроить для нас сытое и приличное детство. Я могла бы и побыстрее понять, что жизнь – постоянная борьба за выживание, осложненная участием родных людей.

Прошло время, с Вадиком мы расписались. Родом он из Ленинградской области, родители живут в поселке Бугры, за кольцевой дорогой, ближе к северной части Ленинграда. Я закончила институт и получила направление в специальную среднюю школу-интернат имени М.А. Балакирева. Вадик поступил работать в судостроительный комбинат «Алмаз». Поселились мы в Буграх у родителей, свадьбу толком не сыграли, устроили небольшое застолье. Были мы, соседи, Вадикина тетка с мужем и сыном. Мама не приехала, заболела. Зомик пришел, а Лялька не смогла, и мы договорились, что с ней отметим отдельно.

II

– Нелли Арнольдовна, проработайте, пожалуйста, с Эдиком звук «ф».

Нелли Арнольдовна — это я, чтобы не было сомнений. Наша главная всех зовет по имени-отчеству: с одной стороны, это уважительно, а с другой — не позволяет расслабляться и перейти на приятельские отношения с начальством.

«Федя — фигляр и аферист, финты его трюфы». Маленький Эдик смотрит испуганно, но повторяет старательно. Какой Федя, спрашивает, из первого Б?

В учетной записи помещается следующее:

Звук «ф» пр. удов. Нижняя губа прик. дент. проксим. при сохр. выступ. нижн. чел.

Жизнь скучна. В воскресенье с Вадиком и свекрухой смотрели безалкогольную свадьбу в передаче «Здоровье» по первой программе, и даже у них на телевидении не все как у людей. Мне, кстати, ведущая Белянчикова всегда нравилась, я и прическу себе завела как у нее: зачес назад с низким крупным пучком. Так вот, в передаче пьют кефир за здоровье новобрачных, и кажется, он сейчас у пьющих горлом пойдет. Вадик теперь приходит с работы с багровым лицом, как буряк, и такого цвета кожа хорошо подчеркивает голубизну его глаз. Если спросить, выпил ли он, ответ прозвучит отрицательный и задорный: пьют алкоголики, и всегда плодово-ягодную дрянь. Тот, кто употребляет водку или разведенный спирт, не пьет, а пользуется возможностью решить важные производственные вопросы: каждый серьезный договор — через стеклянный пиджак белой невесты.

Людка «старая» звонила. Муж ее теперь главный инженер ЛеАЗа — авторемонтного завода. И ладно, что это скорее мастерские, чем завод, но ведь Вадик мой — он главный только по занимающему месту на диване. Зато есть Лёшик, ему шестой год. Самый лучший на свете, только боится отца отпустить даже на работу — в пять часов вечером уже ждет у окна, и если Вадик к семи не заявится — истерика: «С папой что-то случилось». Так и живем, и многие так. Так живут практически все. И хорошо живут: голодными спать не ложатся, а страх, а скука с тоской — куда без них?

Вот мама моя, всем на долгие годы, чего добилась своим оптимизмом, своим деятельным подходом к жизни? Когда умирала, кто ей стакан воды подал, кто сидел в изголовье? Смерть и сидела. И хорошо ли умирать, когда некому глоток воды подать? Был у меня молодой человек на стороне, на пять лет меня моложе — тоже оптимист по жизни; мы в интернате познакомились — он приходил дочь навещать. И что, что я должна была сделать? Оставить Вадика — это тьфу, но Лешка? Лешка в чем виноват? Поступить, как мой папаша Арнольд, лишить Лешку отца? Я его в детстве звала «папа Нолик», до смешного точно. Звала с любовью, а он оказался полный ноль, бросил нас. Даже меньше, чем ноль — полный нолик он был, земля пухом. Такая точка отсчета. Но

не надо сдаваться — меньше нуля не бывает, а значит живем все лучше, идем по направлению к счастью на долгие годы, и пусть облачные волокна образуют над нами круг, пусть травы и деревья послушно кивают, пусть синее небо раскрывает свои объятия — это идем мы.